

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Рудаковой
Александры Владимировны «Теоретические и прикладные
проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии»
на соискание учёной степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка, Воронеж, 2022

В рецензируемой диссертации предъясняется лингвистическая концепция лексикографического описания глубинной семантики слова как достояния носителей языка, вербализованной во время применения психолингвистических методов исследования, прежде всего ассоциативного эксперимента и субъективной дефиниции, и обработанной в том числе с опорой на структурный принцип и метаязык традиционной, логикоцентристской семасиологии. Таким образом, предложенная концепция, именуемая как «метод семантической интерпретации экспериментальных данных», позволяет сформировать новое направление лингвистики – психолингвистическую семасиологию, в задачи которой, кроме прочего, входит создание психолингвистических словарей различных типов, наряду с хорошо известными и получившими широкое распространение ассоциативными нормами языков.

Актуальность темы исследования получила в работе весьма подробное и надёжное обоснование. Она обусловлена, с одной стороны, возрастающим интересом в лингвистике к экспериментальным методам научного познания, а с другой, – потребностью в выработке единых принципов и приёмов описания значения лексических единиц, которые бы содействовали устранению определённых трудностей и рассогласований в способах интерпретации вербализованных реакций участников экспериментов в психолингвистических исследованиях через плодотворное сочетание накопленного опыта в изучении семантики слова со стороны психологического и логикоцентристского языкознания.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке понятийно-терминологического аппарата и теоретико-методологического инструментария психолингвистической семасиологии, принципов лексикографической фиксации экспериментальных данных, в выявлении и описании новых типов сем и семем (Дис., с. 15–16). Этим же определяются научная новизна настоящего изыскания и личный вклад диссертанта в обозначенную проблему.

Несомненна и практическая ценность результатов исследования. Она состоит в том, что разработанные в диссертации принципы лексикографического описания значения слова как психологической реальности в сознании индивида служат импульсом к созданию психолингвистических словарей нового типа. Кроме того, полученные в исследовании результаты могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, психолингвистике, семасиологии, лексикографии, а также в процессе преподавания русского языка, в том числе в качестве иностранного (там же).

Последовательная опора на имеющиеся в научном поле достижения по теме изыскания (Библиографический список составил 540 источников), их умелое, критическое осмысление, а также привлечение внушительного лексикографического материала (использовались данные 41 словаря) в совокупности с результатами, полученными в ходе анализа обширного эмпирического материала (всего обработано 1500 лексических единиц в качестве стимулов в ассоциативных и иных экспериментах, построены и структурированы их ассоциативные поля), позволяют автору диссертации прийти к убедительным и непротиворечивым выводам, получающим отражение в выдвинутых на защиту теоретических положениях.

В первой главе изыскания «Теоретические основы психолингвистического подхода к исследованию значения слова» проводится обсуждение научных теорий, большей частью отечественных, рассматривающих значение языкового знака как психологическую проблему и его взаимоотношения с другими когнитивными феноменами: представлением, образом, картиной мира, смыслом, духовно-нравственными ценностями и т.д. При этом отродно отметить опору и на обзоры подходов к значению слова, сделанные в своё время таким заслуженным учёным, как Александра Александровна Залевская (Дис., Гл. 1, §1.2). Сразу оговоримся, что преимущественный источниковый акцент на отечественных именах и научных школах ни в коей мере не умаляет достоинств данной работы – наоборот, автором диссертации использован настолько солидный библиографический фонд, охватывающий, наверное, всю психолингвистическую географию нашей страны, что выход за эти рамки в одной диссертации, пусть даже докторской, представляется не только неоправданным, но и физически невозможным. Всё же не совсем понятно, зачем соискателю понадобилось подробно излагать исследовательскую проблематику каждой из

школ, не всегда соотносимую с изучением семантики языкового знака (там же, с. 28–33), – на наш взгляд, без этого вполне можно было бы обойтись, как можно было бы обойтись без многочисленных и довольно громоздких цитат в начале главы (там же, с. 19, 21, 22–23, 27).

Допускаем, что «многие направления российской психолингвистики не имеют аналогов в мировой лингвистике» (там же, с. 34), хотя в работе почти не содержится сведений о положении дел в зарубежной науке, что, повторимся, нельзя расценивать в качестве её недостатка, но всё же не можем пройти мимо одной ремарки относительно первого этапа в развитии психолингвистики, обязанной своим появлением, как известно, американским исследователям. Так, указывается, что Ч. Осгуда следует относить к бихевиористам, а Дж. Миллера и Н. Хомского – к необихевиористам: «В 80-е гг. все эти разновидности бихевиоризма были заменены когнитивной психологией» (там же, с. 18). Не думаем, что с этим замечанием следует согласиться – на том основании, что первый период, или период формирования психолингвистики, проходил под сильным влиянием бихевиоризма (и часто называется «бихевиористским»), пока не появилась генеративная грамматика Хомского, о чём, в частности, свидетельствуют Дж. Миллер в своей статье (Miller G.A. *The cognitive revolution: A historical perspective* // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7, No. 3. Pp. 141–144) и Дж. Кесс в своём фундаментальном труде, описывающем становление, развитие и современное состояние психолингвистики (Kess J.F. *Psycholinguistics: Psychology, linguistics, and the study of natural language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1992. 383 p.). Хомский неоднократно критиковал ассоцианизм и бихевиоризм в своих публикациях и многочисленных интервью (см., например, Chomsky N. *A Review of B. F. Skinner's Verbal Behavior* // *Language*. 1959. Vol. 35, No. 1 Pp. 26–58). Что же касается необихевиоризма, то здесь речь идёт о том, что первые психолингвисты, особенно Осгуд, разрабатывали модели речевого поведения, которые включали промежуточные, скрытые в сознании от непосредственного наблюдения переменные (“little black egg”), тем самым отойдя от концепции классического бихевиоризма (цит. раб. Kess J.F., p. 17). Идеи Хомского – это уже второй, «лингвистический» этап в развитии психолингвистики, не связанный ни с бихевиоризмом, ни даже с необихевиоризмом.

Однако самое значительное и оригинальное в первой главе – это содержание параграфов 1.4–1.6, в которых диссертант с тщательной последовательностью разбирает технологию основных психолингвистических методов исследования языкового сознания носителей языка, их достоинства и изъяны, при этом неоднократно подчёркивая, что «сочетание разных методических процедур повышает валидность результатов исследования» (там же, с. 63); непредвзято анализирует предложенные ранее классификации ассоциативных реакций и принципы структурирования ассоциативного поля; точно и кропотливо, подобно микрохирургу, раскрывает инновационный, но уже скрупулёзно проработанный подход к описанию значения слова в сознании рядовых носителей языка, позволяющий комплексно интерпретировать единицы ассоциативного поля и таким образом выявлять даже единичные компоненты семантического содержания слова-стимула, с тем чтобы исчерпывающим образом отображать его в психолингвистических словарях. Теоретические построения опираются на обширный пласт исследований – прежде всего Воронежской психолингвистической школы, проводимых под руководством Иосифа Абрамовича Стернина, и сопровождаются чёткими определениями ключевых понятий, большим количеством иллюстративного и пояснительного языкового материала, а также весьма ценными рекомендациями, наблюдениями и выводами, касающимися:

- непосредственной связи субъективной дефиниции и вербальной ассоциации (там же, с. 58);
- принципа неединственности метаязыкового описания ментальных единиц, отражающего динамику психической жизни и невербальный характер мышления, но допустимости согласованной интерпретации (там же, с. 86–90);
- обязательного включения в психолингвистическое описание семантики слова групповых, малочастотных и индивидуальных сем (там же, с. 95);
- разграничения системного и рецептивного значений с дальнейшей дифференциацией последнего на контаминированное и метафорическое значения (там же, с. 98–102);
- интерпретации «нулевых», ошибочных, неинтерпретируемых, нецензурных, эмоционально-оценочных и других, вызывающих трудности при толковании типов реакций (там же, с. 102–114);

- построения интегрированного экспериментального поля стимула (там же, с. 46, 115–116).

Что же касается так называемых «индивидуальных» сем, которые не фиксируются традиционными словарями, но выявляются благодаря применению метода семантической интерпретации экспериментальных данных, то очевидно, что они нередко становятся основой для свежих, нетривиальных и смелых идей, неожиданных каламбуров и всякого рода остроумия.

Последующие главы рецензируемого изыскания логически координируются с первой главой, и следует особо подчеркнуть, что неразрывная, органическая взаимосвязь всех частей диссертации составляет ещё одну из её сильных сторон.

Вторая глава «Психолингвистические принципы описания семантики слова», также с опорой на внушительный пласт теоретических и экспериментальных отечественных исследований, включает подробное обсуждение и алгоритмы действий экспериментатора, в том числе верификационных: при психолингвистическом описании семантики имени собственного (Дис., Гл. 2, §2.1) и близких по значению языковых единиц (§2.2); при выявлении групповой, темпоральной и частеречной специфики семантики слова (§§2.3–2.5). Как и в первой главе, здесь также присутствует немало ценных замечаний и выводов, например, относительно:

- наличия у семемы антропонима ядра и целесообразности выделения сильного и слабого ядра, а также прикладного характера психолингвистических исследований семантики топонимов и гидронимов (там же, с. 170–171, 182–183);

- нерелевантности для сознания носителя языка такой лексической категории, как абсолютные синонимы (там же, с. 200–201);

- несущественности гендерных и возрастных различий на семемном уровне и их значимости – на семном (там же, с. 200, 226);

- «семантической полноценности» слов, относящихся к служебным частям речи, для языкового сознания индивида (там же, с. 238–243).

Третья глава диссертации «Проблемы лексикографической фиксации психолингвистического значения слова» посвящена психолингвистическим словарям ассоциативного, семантического (толкового) и гибридного типов: их параметрам, стоящим перед ними задачам, сферам применения, отдельным

проблемам при их создании, отличиям от традиционных нормативных словарей, их модификациям, а также перспективным направлениям в развитии психолингвистической лексикографии. Кроме того, здесь содержатся алгоритмы создания и краткие описания словарей указанных типов, включая созданные членами исследовательской группы Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета (Дис., Гл. 3, с. 259–266, 280–281, 300–334, 359–370); более полные образцы представлены в приложениях к диссертации. Автором диссертации верно уловлен временной раздел, когда накопление критической массы исследований языкового сознания на материале психолингвистических экспериментов «обусловило переход лингвистического анализа на новый уровень – от формального описания <...> к семантическому анализу» и отсюда – появление психолингвистических словарей нового типа – семантического. «Это стало следующим этапом в развитии психолингвистической лексикографии» (там же, с. 271).

В Заключении диссертации излагаются основные итоги труда и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что настоящее диссертационное исследование заслуживает самой высокой оценки. Считаем, что оно представляет собой серьёзный шаг вперёд не только для психолингвистической науки, но и в целом антропоцентристского языкознания. В дополнение к уже отмеченным достоинствам хотелось бы добавить важное теоретическое и практическое значение использованных в работе числовых индексов и шкал количественных показателей для определения всех параметров значения в сознании носителей языка, характера и статуса сформированных в нём ассоциативных связей. Более того, предполагаем, что предъявленный здесь метод семантической интерпретации экспериментальных данных с его сопоставительно-параметрическими методиками может быть так же успешно апробирован не только при участии носителей, но и неносителей языка – например, в условиях учебного билингвизма. Единственное, с чем мы не склонны согласиться, это понятие «психолингвистическое значение», при том что автор аргументирует свою позицию (Дис., с. 46), и производные от него понятия вроде «психолингвистическая сема» (там же, с. 96), «психолингвистическая семема» (там же, с. 211), «психолингвистическая семантема» (там же, с. 214). По нашему мнению, не следует смешивать научный подход и единицы

содержания сознания, даже если это всего лишь конструкты (в наших силах оперировать только ими), не следует расширять терминологический аппарат в том, что уже сложилось, оправдало себя и не вызывает вопросов со стороны психолингвистического сообщества: имеются в виду термины «психологическое значение», «ассоциативное значение», «смысл» и т.д.

Высказанные в дискуссионном плане замечания не затрагивают существа проведённого исследования. Диссертация Александры Владимировны Рудаковой «Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии» соответствует паспорту специальности 10.02.19 – теория языка и отвечает всем формальным и содержательным требованиям к докторским диссертациям, которые изложены в пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Приказом Министерства образования и науки РФ № 842 от 24.09.2013 г. Автореферат и публикации – всего 133, из которых 22 в журналах перечня ВАК, 2 монографии, 13 лексикографических изданий, с достаточной полнотой отражают содержание работы. Александра Владимировна Рудакова заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

15.08.2022г.

Официальный оппонент,

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры теории английского языка и

переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный

университет имени академика И.Г. Петровского»

С.А. Чугунова

Электронная почта: chugunovasvetal@rambler.ru

Адрес организации: 241036, г.Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

Сайт организации: <https://www.brgu.ru/>

Электронная почта организации: bryanskgu@mail.ru

Тел.: +7 (4832) 58-93-39

